

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 558–568

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 558–568

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-558-568>, EDN: ZJGWNQ

Научная статья

УДК 355.02(470.44)|1941/1945|

Использование ресурсов Саратовской области для комплектования армии и флота в годы Великой Отечественной войны

В. Н. Данилов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 411012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Данилов Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии, danilowik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>, AuthorID: 308190

Аннотация. В статье представлена общая картина привлечения людских контингентов из Саратовской области для комплектования Вооруженных сил СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. Подробно освещается проведение трех волн так называемой всеобщей мобилизации военнообязанных в 1941 г., последующих партийно-комсомольских и других специальных мобилизаций, а также проведение в 1942–1945 гг. очередных призывов новобранцев. Показана роль подготовки военнообученных резервов через Всевобуч, народное ополчение и оборонные организации. Высказывается авторская позиция относительно общего количества жителей области, направленных в исследуемый период в армию и флот.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Саратовская область, Красная Армия, население, военнообязанные, мобилизация, призыв, военкоматы, оборонные организации

Для цитирования: Данилов В. Н. Использование ресурсов Саратовской области для комплектования армии и флота в годы Великой Отечественной войны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 558–568. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-558-568>, EDN: ZJGWNQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Using the resources of the Saratov region for the recruitment of the Army and Navy during the Great Patriotic War

V. N. Danilov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Viktor N. Danilov, danilowik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>, AuthorID: 308190

Abstract. The article presents a general picture of the involvement of human contingents from the Saratov region to recruit the Armed Forces of the USSR on the eve and during the Great Patriotic War. The article highlights in detail the conduct of three waves of the so-called general mobilization of the military in 1941, subsequent party-komsomol and other special mobilizations, as well as the regular conscription of recruits in 1942–1945. The role of the training of military-trained reserves through Vsevobuch, the people's militia and defense organizations is shown. The author expresses his opinion on the total number of residents of the region sent to the army and navy during the period under study.

Keywords: Great Patriotic War, Saratov region, Red Army, population, military service, mobilization, conscription, military enlistment offices, defense organizations

For citation: Danilov V. N. Using the resources of the Saratov region for the recruitment of the Army and Navy during the Great Patriotic War. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 558–568 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-4-558-568>, EDN: ZJGWNQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Беспрецедентная по своим масштабам и кровопролитности Великая Отечественная война потребовала привлечения колоссального человеческого ресурса в Вооруженные силы страны. Согласно военной статистике из почти 34,5 млн чел., надевавших в течение войны

шинели, больше 29,5 млн (85,6%) были непосредственно мобилизованы и призваны за четыре военных года [1, с. 139]. Однако сам процесс использования бывшего гражданского населения для комплектования Красной Армии и Военно-Морского флота СССР изучен весьма поверх-

ностно, в том числе и на региональном уровне. Это относится и к Саратовской области, где, как представляется, полностью не решен даже вопрос об общем количестве ушедших отсюда на войну. В своей докторской диссертации, защищенной в 1973 г., Д. П. Ванчинов, ссылаясь на телевизионное выступление тогдашнего военкома Саратовской области Г. П. Фролкина и собственные расчеты, назвал число призванных в Красную Армию за годы войны – 400 тыс. чел. [2, с. 293]. Спустя 20 лет в областной «Книге памяти» было сказано, что «за годы войны Саратовская область дала армии более полумиллиона бойцов», а более 530 тыс. «с оружием в руках сражались с немецко-фашистскими захватчиками» [3, с. 8, 10]. Позже главный редактор книги Г. В. Фролов довел цифру последних до 680 тыс. [4, с. 253] Настоящее исследование проведено с целью выявления самого хода военной мобилизации населения в Саратовской области в 1941–1945 гг. и уточнения на основе документальных источников общего количества саратовцев, принявших участие в Великой Отечественной войне.

Мобилизация военнообязанных по 15 военным округам Советского Союза на основании п. «д» ст. 49 Конституции СССР была объявлена Указом Президиума уже в первый день войны, – 22 июня 1941 г. Мобилизации подлежали военнообязанные, родившиеся с 1905 по 1918 г. включительно, а первым ее днем считалось 23 июня. Именно с этого времени, как правило, ведут отчет формирования массовых пополнений армии в военное время.

На самом деле указ о мобилизации не начал, а продолжал процесс. В связи с нарастающей военной угрозой в 1939–1940 гг. в Советском Союзе развертывалось большое количество новых соединений и воинских частей. Еще в июне 1939 г. из-за военного конфликта на Халхин-Голе были призваны на учебные сборы, в том числе из Саратовской области, военнообязанные, приписанные к конкретным воинским частям. Кроме того, из народного хозяйства на них привлекалось определенное количество лошадей и мехтранспорта. По решению Политбюро ЦК ВКП (б) от 29 августа 1939 г. из области на политработу в Красную Армию были направлены 88 коммунистов [5, л. 5, 15]. В дальнейшем проводилась еще более масштабная скрытая мобилизация, но значительная часть задействованных в ней военнообязанных к началу 1940 г. была демобилизована. В ходе этих мероприятий выявились многочисленные недостатки по сбору и отправке личного состава и техники в армию. Военные комиссариаты даже при оказываемой им помощи со стороны парткомов слабо справлялись со своими обязанностями. В декабре 1939 г. секретарь Саратовского обкома ВКП (б) П. А. Грибов направил письмо начальнику Политуправления

Красной Армии Л. З. Мехлису, в котором говорилось: «Практика проведения оргмероприятий в июле и августе месяцах 1939 года показала, что районные комиссариаты и особенно городского типа плохо готовы к плановому проведению мобилизации, что диктует необходимость пересмотра штатов и разряда отдельных райвоенкоматов» [5, л. 23]. Таким образом, опыт 1939 г. показал необходимость тщательной проработки в мирное время вопросов мобилизации, комплектования воинских подразделений и частей на разных уровнях, обеспечения их материально-техническими средствами.

В сентябре 1939 г. начался очередной призыв новобранцев, который проводился в соответствии с принятым 31 августа 1939 г. Законом «О всеобщей воинской обязанности», снижавший возраст призыва с 21 года до 19 лет и отменявший ограничения по социальному признаку. Это значительно сократило количество отсрочек от призыва. Если в 1938 г. по Саратовской области их получили 1014 чел., или 4,5% стоявших на учете призывников, то в 1939 г. только 115, или 0,7% призывников. Всего в 1939 г. из области были направлены в Красную Армию по призыву 14378 чел. [6, л. 2]. Численность призывного контингента 1940 г. составила 16245 саратовцев [7, л. 47]. 18 декабря 1940 г. начальник штаба Приволжского военного округа (ПриВО) генерал-майор В. Н. Гордов направил письмо в Саратовский обком ВКП (б), в котором отмечал, что задание Наркомата обороны призвать в Красную Армию 85–87% от общего количества призывников 1920 и 1921 гг. рождения выполнено по округу, в частности из Саратовской области отправлено в войска 85,8% призывного контингента [8, л. 1]. Работа по призыву новобранцев стала носить постоянный характер, во время которой определялся четкий порядок проведения медицинских обследований и оперативного лечения больных призывников, ускоренного обучения неграмотных и малограмотных юношей, оборудования сборных пунктов и организации политико-идеологической и массово-разъяснительной работы среди призывников, членов их семей и населения до призыва и во время призыва. На последнее в то время обращалось особое внимание. Как указывалось в докладе областного военкомата от 2 октября 1940 г., «первый день призыва в РККА был превращен во всенародный праздник. Город Саратов по решению горкома ВКП (б) был украшен флагами. В городах и районных центрах при активном участии партийных, советских и общественных организаций проводились митинги. На митингах после докладов выступали призывники и их родители. Призывники из сельсоветов прибывали на автомашинах, убранных портретами руководителей партии и правительства, плакатами, лозунгами» [6, л. 15]. Весной 1941 г. был осуществлен досрочный призыв

мужчин, родившихся после 1 сентября 1921 г. и не попавших ранее под призыв. До начала войны по Саратовской области были призваны 1848 чел. из 14818, подлежащих призыву в 1941 г. [7, л. 47].

Важное место в работе военкоматов и органов власти в предвоенный период занимали учет и приписка новобранцев и военнообязанных запаса. В частности, в первой половине 1941 г. она проводилась дважды: в январе – феврале и в апреле – мае. Последний переучет ресурсов и приписка были осуществлены после принятия 12 февраля 1941 г. нового мобилизационного плана МП-41 с целью получения точных данных о потенциальном количестве личного состава будущей армии военного времени. Одновременно уточнялись сведения о лицах, забронированных на производстве и в партийно-хозяйственном активе, выявлялось количество ограниченно годных и не годных к военной службе. Каждому приписанному выдавалось мобилизационное предписание, где указывались время его прибытия на сборный пункт после начала мобилизации, номер команды или действительный номер войсковой части. 5 апреля 1941 г. Саратовский обком ВКП (б) разослал в районы письмо «О приписке к воинским частям военнообязанных, лошадей и мехтранспорта», разъяснявшее суть проводимых мероприятий [9, л. 10–11].

В мае 1940 г. в районах области были проведены однодневные проверочные сборы военнообязанных запаса рядового и младшего начальствующего состава. Райкомы партии и райвоенкоматы разработали планы их проведения, выделили руководителей сборов, медицинский персонал, торговых и клубных работников. Оповещение производилось в ночное время, а к 9 ч утра в организованном порядке «во главе с председателями сельсоветов, с флагами и знаменами, портретами вождей, патриотическими лозунгами, с гармошками и революционными песнями» все явились в места сборов [10, л. 2–3], где с ними проводился соответствующий инструктаж. Согласно решению Политбюро ЦК ВКП (б) от 8 марта 1941 г. «О проведении учебных сборов военнообязанных запаса в 1941 г., привлечении на сборы из народного хозяйства лошадей и автотранспорта» уже планировались масштабные многодневные сборы военнообязанных. На них из Саратовской области с 15 мая 1941 г. удалось привлечь несколько тысяч военнообязанных, что фактически являлось скрытой мобилизацией. Практика проведения учебных сборов для резервистов в 1939–1941 гг., а также увеличение количества призывников обеспечили совокупный рост численности военнослужащих в РККА и ВМФ, пограничных и внутренних войсках НКВД за два предвоенных года почти в 2 раза и к 22 июня 1941 г. их насчитывалось больше 5774 тыс. чел. [11, с. 617].

Сообщение о начале войны с гитлеровской Германией и ее европейскими сателлитами саратовцы, как и подавляющее большинство советского народа, встретили с чувством гнева и возмущения и в то же время с твердым настроением защищать свою страну. Это отношение к акту агрессии в самые первые дни войны они выразили, в частности, на повсеместных массовых митингах, которые начались уже во второй половине дня 22 июня 1941 г. после правительственного заявления по радио, сделанного В. М. Молотовым. Нередко в выступлениях митингующих звучали слова о намерении добровольно вступить в ряды Красной Армии. Так, только в Волжском районе г. Саратова в первый же день войны было подано в военный отдел райкома партии и райвоенкомат 148 заявлений от добровольцев [12, с. 18]. Особую активность проявляла молодежь, жаждавшая героических поступков и опасавшаяся, что война быстро закончится, но без их участия. Добровольческое движение продолжилось и в последующие дни. В своих воспоминаниях А. И. Ключников, работавший в 1941–1943 гг. председателем Саратовского горисполкома, приводит такую картинку, увиденную им утром 23 июня 1941 г.: «По улице Радищева с маршевой песней шла группа ребят. Совсем еще юные, в пиджаках и куртках, стриженные под бокс, браво размахивающие руками, они выглядели необычно рано утром на пустынной улице. Сразу не сообразив, что означает эта развеселая маршировка, остановил их и спросил:

– По какому поводу веселье?

И услышал ответ:

– В военкомат идем, на фронт всем классом записываемся.

– Мы в субботу школу кончили, товарищ» [13, с. 177].

Всего за период проведения мобилизации по г. Саратову и области подали заявления о добровольном желании пойти на фронт около 20 тыс. чел. [12, с. 35]. Аргументы о добровольном зачислении в Красную Армию были самыми разнообразными. Так, студенты Саратовского госуниверситета Хут и Чихляев, участники советско-финляндской войны, заявляли о своем преимуществе перед остальными призывниками, поскольку они имеют боевой опыт [9, л. 35]. Комсомолец Ю. Кочубеев, 1924 г. рождения, работавший в театре оперы и балета осветителем, писал в заявлении: «У меня 3 брата и дядя служат в РККА и громят врага, прошу и меня зачислить в армию» [9, л. 38]. Или вот такой текст телеграммы, попавшей в одно из архивных дел: «Москва, Кремль, Сталину. Копия: обком ВКП (б). Мы члены ВКП (б) в ответ на гитлеровскую авантюру просим принять в ряды Красной Армии с машиной 63–62. Кубышев, Евржев» [14, л. 262]. Поступали заявления и от женщин. Так, по Саратову на 5 июля 1941 г. из 5787 добровольцев,

2074 составляли женщины [7, л. 219]. Добровольчество являлось важной составной частью патриотического подъема, охватившего тогда общество.

Сама же военная мобилизация лета 1941 г. началась на основании телеграммы, подписанной наркомом обороны С. К. Тимошенко по завершению совещания в рабочем кабинете И. В. Сталина в 16.00 22 июня, которая была разослана с Центрального телеграфа Наркомата связи по всем областям и районам СССР. Таким образом, вводился в действие мобилизационный план МП-41, предполагавший, ко всему прочему, проведение большой совместной организационной работы местных органов власти и военного управления. Это касалось оповещения, оборудования сборных пунктов, организации питания мобилизованных, политико-идеологической работы и отправки сформированных команд. В городах призванные в армию получали персональные повестки из военкоматов, а в селах – оповещались сельсоветами.

Как следует из докладных записок райкомов ВКП (б), направленных в первые дни войны в Саратовский обком, телеграмму о мобилизации районы получили 22 июня около 18 ч вечера, после чего были вскрыты мобпланы, в соответствии с которыми оповещение военнообязанных было завершено уже на рассвете 23 июня. В информации Ртищевского райкома даже указывается точное время – до 4 ч 30 мин [15, л. 158]. Что же касается предпринятых в организационно-политическом плане первых шагов, то они осуществлялись везде по единому алгоритму. К примеру, в донесении Дергачевского райкома ВКП (б) по этому поводу говорилось следующее: «Были уточнены списки политуполномоченных, посылаемых в сельсоветы и списки политработников, предназначенных для работы на сборном пункте райвоенкомата, а к 8 часам вечера все работники РК ВКП (б) были вызваны к месту своих работ и находились на своем месте. В 11 часов ночи проведен инструктаж уполномоченных райкома ВКП (б) по сельсоветам об их задачах и задачах парторганизаций, колхозов, сельсоветов в связи с мобилизацией, после чего все они посланы на места. Редактору райгазеты дано задание о выпуске специального номера райгазеты в связи с объявлением мобилизации. Всем парторганизациям дано задание о проведении внеочередных закрытых партсобраний, на которых обсудить решение бюро РК ВКП (б) первого дня мобилизации, принятого в 2 часа 00 23/VI – 41 г. по докладу секретаря РК ВКП (б) о причинах мобилизации и задачах парторганизаций» [14, л. 79]. Необходимо отметить, что бюро райкомов в первую неделю войны по мобилизационным вопросам заседали ежедневно, причем некоторые из них (Балашовский, Куриловский) с приглашением большого числа партийно-хозяйственного актива. Обком ВКП (б) посчитал

такую практику недопустимой, поскольку это «является рассекречиванием мобилизационных планов и их выполнения», и циркулярным письмом от 2 июля 1941 г. указал «на необходимость усиления конспирации», предписывая «все вопросы, связанные с обороной нашей страны, обсуждать только на закрытых заседаниях бюро» [14, л. 122].

Под сборные пункты были переданы наиболее просторные здания в городах и райцентрах, как правило, школы и дома культуры. В информации Балашовского горкома ВКП (б) «О ходе работы на призывных пунктах за время с 23 июня по 1 июля 1941 г.» так описывалась работа по оборудованию сборных пунктов: «6 часов утра до 12 часов дня проходила работа по оборудованию Ленуголков и сборных пунктов. С 10 до 12 часов дня 23/VI-41 г. была проведена проверка степени готовности Ленинских уголков. В результате проверки было установлено, что все три сборно-сдаточных пункта были надлежащим образом оборудованы: лозунги, плакаты, портреты и бюсты вождей, газеты, политическая, военная и художественная литература, журналы, нужные географические карты, шахматы, шашки, бильярд, домино, цветы, музыкальные инструменты (гармонь, гитары, мандолины, балалайки, патефоны, радиоустановки, как в Ленуголках, а также во дворах сборных пунктов). Всем этим культуринвентарем все три сборных пункта были обеспечены полностью и к установленному сроку, при каждом сборном пункте организованы столы справок. 23/VI-41 г. во всех сборных пунктах были организованы буфеты, в которых были не только продукты питания, но и сахар, махорка, папиросы, безалкогольные напитки (ситро). Все время на людском сборном пункте работал киоск КОГИЗа и филиал Центральной городской библиотеки» [16, л. 16].

Во время нахождения мобилизованных на сборных пунктах выделенные райкомами партии политработники организовывали митинги, где звучали напутствия, знакомили военнообязанных с законами о всеобщей воинской обязанности и наказании за измену Родине, текстом воинской присяги и указа о порядке выплат пособий их семьям, проводили беседы о международном положении, о ходе военных действий, героических поступках советских воинов на фронте. Выпускались стенные газеты с помещением в них писем и статей самих призываемых, организовывались выступления кружков художественной самодеятельности и профессиональных артистов, практиковались коллективные прослушивания радиопередач и читки газет, а также показ кинокартин. Аналогичная по формам работа проводилась с собиравшимися вокруг сборных пунктов родственниками и членами семей мобилизованных, одной из целей которой была агитация неработающих женщин и пожи-

лых людей на производство взамен уходящих в армию.

Во всех документах с мест, в которых содержится информация о ходе мобилизации, отмечается очень высокая явка призываемых на сборные пункты. Практически ни в одном районе Саратовской области не было лиц, сознательно уклонившихся от призыва. Отсутствовали или опоздали только те, кто находились в командировках и отпусках, на каникулах или лечении. Так, в Балашове по уважительным причинам не явились 8 чел., в Ртищевском районе – 14, чуть больше в Саратове, где жизнь была более мобильной, например, в Кировском районе – 54 чел., но и это составляло меньше 5% от общего числа вызывавшихся. На результатах явки сказались и чувство долга перед Родиной в годину тяжелых испытаний, передающегося из поколения в поколение, и результаты воспитательной работы, проводившейся с молодежью советской властью, и, конечно, разного рода проверочные военные сборы, которые имели место в предвоенные годы. Свообразным выражением желания непременно отправиться на фронт стал отказ значительной части мобилизованных проходить медицинский осмотр. Обобщая итоги проведенной в июне – начале июля 1941 г. мобилизации людских контингентов, бюро Саратовского обкома ВКП (б) в своем решении в качестве ее отрицательных фактов смогло назвать только следующие: «В Новопроковском, Новорепинском, Волжском и Фрунзенских районах, вследствие недостатка партийно-политической работы на сборных пунктах, среди мобилизованных были случаи пьянки, при отправке команд скапливалось большое число провожающих» [17, л. 82].

Следует подчеркнуть, что в рамках проведенной в первую неделю войны мобилизации призывались только обученные военнообязанные 1905–1918 гг. рождения запаса 1-й категории первой очереди, прошедшие ранее действительную военную службу. Они, как правило, направлялись в воинские части для развертывания последних до штата военного времени, дислоцировавшиеся в том же или другом военном округе, либо в пункты, где с объявлением мобилизации начинали формироваться новые части согласно мобилизационному плану МП-41. В этом отношении добровольчество при всей его нравственно-политической значимости, конечно, затрудняло военкоматам, в работе которых импровизации не предусматривались, производить плановый призыв. Серьезных сбоев в отправке сформированных команд из мобилизованных в места их приписки к воинским частям в тот период в Саратовской области не наблюдалось, хотя отдельные случаи задержек почти на сутки из-за отсутствия вагонов на станциях, как, например, в Ртищеве, все же имели место [15, л. 100]. На сутки задержалась отправка команды в Базарном Карабулаке, поскольку телеграфистка район-

ного узла связи не смогла в течение 9 ч передать телеграмму в райвоенкомат, за что была привлечена к уголовной ответственности [15, л. 26].

Как известно, в этот период, наряду с людской мобилизацией, согласно плану МП-41 проводилась и мобилизация в армию транспортных средств. Вот с этим возникали значительные трудности. Весьма часто руководители хозяйств и учреждений попросту «торговались» с военкоматами по поставкам техники и конского состава. Далеко не все районы Саратовской области, как, например, Ворошиловский, могли рапортовать подобным образом: «Наряд на поставку для РККА гусеничных тракторов по району выполнен на 150 процентов, техническое состояние мобилизованных тракторов отличное. Наряд по мобилизации автомашин выполнен на 100 процентов, техническое состояние автопарка удовлетворительное» [14, л. 67]. Значительная часть техники перед сдачей в войсковые части требовала текущего, среднего и даже капитального ремонта. Совсем не в лучших условиях находились поставляемые лошади, были неисправными конские повозки, а упряжь в подавляющем большинстве не отвечала требованиям использования ее в боевой обстановке. Сказались общие недостатки в организации колхозного производства в то время. До войны в стране было объявлено о создании специального фонда «Лошадь Красной Армии», но он находился не в лучшем состоянии. В конце 1940 г. заведующий военным отделом Саратовского обкома ВКП (б) А. И. Денисов констатировал: «Фондовые лошади, вследствие чрезмерной эксплуатации доведены до крайнего истощения. Конюхи за фондовыми лошадьми не закреплены, в результате чего конский состав не ухожен» [18, л. 2]. Зачастую военкоматы плохо справлялись с оформлением и содержанием поступающей на сборно-сдаточные пункты техники и живого тягла, не могли в первые дни должным образом организовать проживание их сопровождающих из числа мобилизованных.

К выполнению нарядов по армейским поставкам тракторов, автомашин и лошадей пришлось даже подключить органы прокуратуры и НКВД, а на некоторых руководителей и исполнителей были заведены уголовные дела. Райкомам пришлось спешно организовать комплектование и ремонт техники, для чего в районах выявлялись наличные ресурсы запчастей и резины, на сборно-сдаточные пункты направлялись ремонтные бригады. Несмотря на все сложности, из МТС, совхозов, предприятий и организаций Саратовского Поволжья, включая бывшую Немецкую автономную республику, до 1 мая 1942 г. было мобилизовано 30695 лошадей, 9589 конских повозок, 6387 грузовых автомашин (75% наличного состава), 70 спецмашин, 332 легковых автомобиля (более 30%) и 1579 гусеничных тракторов (почти 20%) [19, л. 104; 20, л. 13]. Это стало большим подспорьем для

сражающейся Красной Армии в период, когда транспортные средства практически не поступали по ленд-лизу от союзников. Вместе с тем изъятие столь большого по тому времени количества техники и живого тягла осложнило положение в экономике области, прежде всего, в сельском хозяйстве региона.

Мы не располагаем точными данными по числу призванных в первую волну мобилизации в целом по Саратовской области, а также включенным в нее позже районам АССР НП, откуда этнические немцы не призывались. Произведенные расчеты на основе имеющихся сведений по отдельным районам позволяют утверждать, что в период с 23 июня по 1 июля 1941 г. было мобилизовано свыше 50 тыс. граждан 1905–1918 гг. рождения. В частности, из города Балашова отправили в войска 1289 чел., из Кировского района Саратова – 265 чел. младшего комсостава и 854 чел. рядового состава [16, л. 18; 9, л. 39].

Большие потери на фронтах в первые недели войны заставили советское руководство продолжить мобилизацию военнообязанных запаса. 8 июля 1941 г. Государственный Комитет Обороны (ГКО) принял постановление № 48 с «О формировании дополнительных стрелковых дивизий», в соответствии с которым в дополнение к первой волне мобилизации с 12 июля в стране началась вторая волна. Были призваны военнообязанные запаса 1905–1918 гг. рождения, ровесники которых были уже ранее подняты по мобилизации, но которые по уважительным причинам первой волны избежали, и оставшиеся призывники 1920–1921 гг. рождения. В соответствии с постановлением ГКО № 459 сс от 11 августа 1941 г. о формировании новых 85 стрелковых и 25 кавалерийских дивизий в конце августа прошла третья волна мобилизации. В ходе нее были призваны остатки возрастов 1905–1918 годов рождения, включая необученных, а также впервые поднят весь ресурс военнообязанных второго разряда запаса 1895–1904 гг. рождения. Вторая и третья волны мобилизации были меньшими по масштабам, не имели, как ранее, столь массивного политико-идеологического сопровождения, а сами призывавшиеся и их родные более отчетливо понимали всю серьезность предстоящих испытаний и их возможный трагический исход.

В эти два летних месяца 1941 г. в Саратовском Поволжье после распределения Наркоматом обороны нарядов по регионам вновь проводилась работа по оповещению, призыву, комплектованию, отправке команд мобилизованных в пункты формирования новых соединений, а также в запасные бригады, отправлявшие затем личный состав в создаваемые соединения действующей армии. В области была создана 19-я запасная стрелковая бригада, полки и отдельные батальоны которой дислоцировались в Татищеве,

Пугачеве, Балашове и Каменско-Белинске (Пензенская область). В сентябре 1941 г. бригада отправилась на фронт 140 маршевых рот [21, л. 231]. В декабре 1941 г. в Пугачеве и Ершове началось создание стрелковых дивизий, а в Питерке, Красном Куте, Новоузенске и Александровом Гае – стрелковых бригад [21, л. 272]. В левобережных районах бывшей республики немцев Поволжья приступили к формированию пяти воздушно-десантных корпусов. Значительная часть мобилизованных и призывников Саратовской области пошла на укомплектование этих воинских частей и соединений Красной Армии [22, л. 79–81]. Некоторые команды состоявшие из лиц старших возрастов, направлялись в дислоцированную с ноября 1941 г. по февраль 1942 г. в области 7-ю саперную армию, строившую оборонительные рубежи.

После завершения трех волн летней мобилизации во все последующие месяцы 1941 г. практически непрерывно проводились воинские призывы по специальным нарядам и партийно-комсомольским мобилизациям. 16 сентября 1941 г. бюро Саратовского обкома ВКП (б) по просьбе командования ПриВО приняло решение об отборе добровольцев и призывников в воздушно-десантные части. По районам области была дана разверстка на мобилизацию 1400 призывников и 1140 военнообязанных [23, л. 17]. В соответствии с указаниями ЦК ВКП (б) и Главного политического управления Красной Армии бюро Саратовского обкома партии принимало решения о мобилизации в качестве политбойцов коммунистов и лучших комсомольцев 4 октября, 21 октября и 12 ноября 1941 г., а также 19 января 1942 г. Мобилизации подлежали военнообязанные из числа рядового и младшего начсостава, как служившие, так и не служившие в армии. Мобилизованные должны были быть не старше 40 лет, физически здоровыми и годными к строевой службе. По этим четырем партийно-комсомольским мобилизациям ушли на фронт более 4,5 тыс. саратовцев [12, с. 48–49, 53, 61, 77]. Политбойцы в армии выполняли те же самые обязанности, что и остальные рядовые красноармейцы и младшие командиры, но, кроме того, их задачей было спланировать воинские коллективы и показывать примеры стойкости в бою. И в этом отношении они сыграли большую роль в ответственных сражениях 1941–1945 гг. Всего из Саратовской области за два года войны в Красную Армию по партийно-комсомольским мобилизациям были направлены 7126 членов и кандидатов ВКП (б) и 3587 членов ВЛКСМ. В целом же только за период с 22 июня 1941 г. по сентябрь 1942 г. в вооруженные силы призывались из области 27843 коммуниста (до войны в области насчитывалось 43787 членов и кандидатов ВКП (б)) и 17108 комсомольцев [24, л. 44].

Самый большой контингент новобранцев в конце 1941 г. составили призывники 1922

и 1923 гг. В данный призыв подлежало явке на сборные пункты 19256 чел., фактически же явилось 19171 чел., т. е. 99,6%, что вновь свидетельствовало о не снижающейся патриотической активности советской молодежи. В этот раз все призывники были пропущены через медицинские комиссии, поэтому были признаны годными к несению строевой службы и направлены в части только 15565 призывников, годными к нестроевой службе 1295 чел. и признаны негодными к несению службы 432 чел. Получили отсрочку от призыва по разным причинам (бронь, болезнь, семейные обстоятельства и др.) 1849 чел. [24, л. 44 об].

Уже во время призывных кампаний конца 1941 г. выявилась нехватка мобилизационного ресурса из подготовленных в военном отношении кадров. Поэтому военный комиссар Саратовской области Иванов в декабре 1941 г. направил в обком письмо, в котором указал, что ГКО разрешил на укомплектование формируемых частей призвать начсостав запаса из числа забронированных за народным хозяйством и оборонной промышленностью, а отбор кандидатур, чтобы не нанести урона на ответственных участках работы в тылу, производить комиссиями под председательством первых секретарей райгоркомов партии [23, л. 65]. Практика разбронирования осуществлялась в дальнейшем по мере необходимости вплоть до 1944 г., но нередко бронь снималась по настойчивым просьбам самих военнообязанных. В марте 1942 г. были разбронированы для проведения партмобилизации 190 коммунистов и комсомольцев, в сентябре 1943 г. для мобилизации комсомольцев в воздушно-десантные войска – около 160 чел. [25, л. 1, 53]. В ноябре 1942 г. с подобной просьбой обращался уже командующий Приволжским военным округом генерал-лейтенант С. А. Калинин, предлагая разбронировать более 2 тыс. военнообязанных рядового и начальствующего состава [26, л. 28]. Всего на ноябрь 1942 г. по Саратовской области имели бронь 75861 чел. Это главным образом были рабочие и инженерно-технические работники оборонных заводов – 15571 чел., железнодорожники – 13410 чел. и специалисты сельского хозяйства – 15606 чел., служащие органов НКВД – 7311 чел. и учреждений Наркомата обороны – 2594 чел. Число же работников органов государственной власти, партийных, профсоюзных и общественных организаций, имевших бронь, вопреки распространенному мнению о их первоочередном бронировании от призыва, составляло всего лишь 468 чел. [26, л. 27]. В сентябре 1943 г. в связи с ликвидацией политотделов МТС и совхозов были призваны 198 чел. бывших их работников, ранее имевших бронь, которые направлялись в 19-ю запасную стрелковую бригаду [27, л. 13].

Осенью 1942 г. органы военного управления обратили внимание на такой ресурс комплекто-

вания армии и флота, как эвакуированные и беженцы из оккупированных противников районов страны. 23 сентября 1942 г. командующий войсками ПриВО С. А. Калинин разослал обкомам и облисполкомам округа письма, в которых указал на необходимость проведения работы по выявлению и приему на учет военнообязанных запаса и призывников, прибывших из Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавской, Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, а также из других, занятых врагом, областей Украины, Белоруссии и РСФСР [28, л. 35]. Начиная с призыва граждан 1925 г. рождения эвакуированные и беженцы, размещенные в Саратовской области, стали на общих основаниях направляться в войска.

Для восполнения потерь офицерских кадров в первый же год войны была развернута масштабная их подготовка в военно-учебных заведениях, что потребовало постоянного отбора кандидатур из числа военнообязанных и призывников. В массовом порядке это делалось во время призывных кампаний. Так, из числа лучших призывников 1924 г. рождения в военные училища и школы были отобраны 7670 чел. (при наряде 6998 чел.), из призывников 1925 г. рождения – 6816 чел. (наряд – 6795 чел.) [29, л. 45; 30, л. 4]. Кроме того, военный округ периодически рассылал в области наряды на 300–850 чел. для добровольного отбора кандидатов в военно-учебные заведения. 19 августа 1943 г. первый секретарь Саратовского обкома ВКП (б) П. Т. Комаров получил от командования ПриВО письмо следующего содержания: «Развернувшееся июльское наступление Красной Армии потребовало новых высококачественных сил для пополнения действующих частей. После отправки на фронт в военных училищах округа образовался некомплект, который требуется пополнить в самый кратчайший срок. Имеющиеся в округе ресурсы ввиду увеличившейся потребности и повышенных требований для контингентов, поступающих в военные училища, покрыть всю потребность не могут. Возникла настоятельная необходимость изыскивать требуемые ресурсы на заводах оборонной промышленности в порядке добровольной вербовки. Исходя из общей потребности по вашей области необходимо отобрать 1100 кандидатов» [31, л. 11]. В этой связи облвоенкомату было оказано всемерное содействие по вербовке добровольцев, а дирекции заводов пошли на их освобождение от работы. Многие отобранные в области кандидаты зачислялись в военно-учебные заведения, расположенные в Саратовской области. По данным Д. П. Ванчинова, Саратовское пехотное училище за годы Великой Отечественной войны подготовило около 4 тыс. офицеров, 1-е Саратовское танковое училище – 6 тыс., погранучилище им. Дзержинского выпустило свыше 5 тыс. чел. [32, с. 189].

В годы Великой Отечественной войны в вооруженные силы страны призывались не только мужчины, но и женщины, в подавляющих случаях на добровольной основе. Первая мобилизация женщин произошла в первую же неделю войны. Призывались врачи, фельдшеры, медицинские сестры и другие специалисты в области медицины в целях развертывания медико-санитарной службы. Всю войну кадры женщин-медиков готовили медицинские вузы, училища и организации Красного Креста. За период 1941–1945 гг. Саратовский медицинский институт выпустил 2452 специалиста, из которых 1663 были направлены в ряды Красной Армии и эвакуогоспитали [33, с. 27]. Целая группа саратовских девушек в ноябре – декабре 1941 г вступила добровольцами в формируемые в Энгельсе М. М. Расковой женские авиационные полки. Большое количество женщин служили связистами, снайперами, зенитчицами, прожектористами, штабными и административно-хозяйственными работницами. Каждая из мобилизаций женщин, как отмечает Н. А. Кирсанов, проходила при участии центральных и местных партийных и комсомольских организаций, поскольку предпочтение отдавалось членам партии и комсомола, а затем оформлялось в райгорвоенкоматах [34, с. 15]. Годные к службе в возрасте от 19 до 30 лет поступали в воинские части и учреждения, а в возрасте до 45 лет – в стационарные тыловые службы. Не призывались женщины, имевшие семьи, и беременные, а также работавшие на оборонных предприятиях и транспорте.

В 1942 г. ГКО провел три массовые мобилизации женщин в войска ПВО, связи и ВВС с целью замены на ряде должностей мужчин. В частности, в войска противовоздушной обороны для Саратовско-Балашовского района ПВО были призваны 2030 девушек [35, л. 162–163]. Более 30 девушек направлялись из области на основании постановления ГКО от 5 мая 1942 г. для несения службы в Военно-Морском флоте. На совещании с заведующими военными отделами горкомов и райкомов ВКП (б) 6 мая 1943 г. секретарь обкома П. С. Алферов заявил, что с начала войны Саратовская область направила в Красную Армию более 4 тыс. женщин [36, л. 6]. Но и после этого продолжались «женские» мобилизации. К примеру, во время разрушительных бомбардировок Саратова авиацией противника обком ВКП (б) распорядился мобилизовать для местных частей ПВО 1000 девушек комсомолок и некомсомолок [12, с. 135]. Безусловно, с одной стороны, массовое привлечение в армию не только одних мужчин связано с колоссальными людскими потерями в годы войны, а с другой – с невероятным духовным порывом женщин СССР, которые добровольно шли в действующую армию, настойчиво добываясь отправки на фронт.

С 1942 г. в основном пополнение армии и флота шло за счет лиц, прошедших подготовку по 110-часовой программе всеобуча, введенного в стране с 1 октября 1941 г. В разное время в Саратове и области действовало от 770 до 1000 его военно-учебных пунктов. Через них до 1945 г. прошло 8 смен обучающихся, начиная с допризывников 1923 г. рождения и кончая 1928 г. Только за 6 первых смен были подготовлены 123650 чел. [37, л. 49, 50]. Главным образом готовились бойцы-стрелки, но немало было обучено и других специалистов военного дела. За 1942–1944 гг. в системе всеобуча области таковых было подготовлено 28358 чел. Примечательно, что всеобуч готовил бойцов-специалистов не только из числа мужчин, но и женщин. Во второй очереди всеобуча военными специальностями овладели 1252 женщины, в третьей очереди – 1250, в пятой очереди – 1963 женщины [38, л. 72]. В целях улучшения подготовки бойцов-специалистов приказом НКО № 091 от 11 февраля 1942 г. в системе всеобуча были созданы специальные комсомольско-молодежные подразделения из молодых людей, стоящих на спецучете и успешно прошедших обучение по 110-часовой программе бойца-стрелка. Главное управление всеобуча НКО разработало для этих подразделений специальную программу на 120–150 ч со сроком обучения без отрыва от производства в 4–5 месяцев. После прохождения обучения они отправлялись в армию по особым нарядам НКО.

Задача по совершенствованию и расширению военных знаний и навыков, полученных в ходе всеобщего военного обучения, допризывников и добровольцев возлагалась на организации Осоавиахима. Особое внимание обращалось на обучение снайперов, пулеметчиков, минометчиков, истребителей танков, мотоциклистов, шоферов, радистов, телефонистов, инструкторов служебных собак, саперов-подрывников и др. С целью повышения качества военного обучения, закрепления полученных знаний и навыков часто проводились строевые смотры и тактические учения в учебных подразделениях. В целом за период Великой Отечественной войны Саратовская областная организация Осоавиахима подготовила свыше 160 тыс. различных военных специалистов и 1184 младших командиров-инструкторов [39, с. 85]. В 1944 г., когда не проводился очередной призыв граждан, достигших призывного возраста, организации Осоавиахима стали одним из важных источников ресурсов для выполнения продолжавших поступать нарядов по отправке в армию нового пополнения. Всего в тот год из Саратовской области были призваны, по данным облвоенкомата, более 38 тыс. чел.

Еще одним источником военнообученных резервов стали формирования народного ополчения, созданные в июле 1941 г. В областном

центре была сформирована стрелковая дивизия, а в Энгельсе, Вольске, Балашове, Ртищеве, Аткарске создавались полки, в остальных городах и районах – батальоны, роты, эскадроны. Существование подавляющего большинства подразделений народного ополчения ограничилось несколькими месяцами, поскольку основной их личный состав был вскоре призван в армию или включен в группы всеобщего обучения. Саратовская же дивизия действовала до октября 1943 г. За это время из нее убыло в Красную Армию до 34 тыс. чел., или 75% всех бойцов и командиров, состоявших в разное время в дивизии [40, л. 187, 266].

В 1942 г. состоялся призыв на действительную военную службу юношей 1924 г. рождения. Он проходил с 10 по 20 августа и, как все предыдущие призывы, при повышенном внимании партийно-советских органов, с использованием всех возможных в то время средств политико-массовой работы. Как следует из политдонесения областного военкомата, во время призыва было создано 129 агитпунктов, райкомами ВКП (б) было выделено 295 пропагандистов, проведено митингов, собраний и встреч с участниками отечественной войны – 588, организовано художественных выступлений (артисты театров и самодеятельности) – 332, просмотрено 23 кинофильма, выпущено 100 номеров стенгазет, 44 представителя войсковых частей передавали опыт участия в военных действиях и рассказывали об отдельных боевых эпизодах [28, л. 129]. Явились на призыв 23074 чел., из них признаны годными к строевой службе 20744 чел., годными к нестроевой 778 чел. (обе категории подлежали отправке в войска), негодными к несению службы – 449 чел., предоставлено отсрочек по болезни 682 чел. Не явились к началу призыва по области 170 чел., из которых 69 чел. по г. Саратову. В основном это были рабочие оборонных заводов, которых директора не отпустили на сборные пункты, неправомерно считая их автоматически имеющими отсрочку. Обращает на себя внимание большой отсев в этот раз новобранцев по политико-моральным соображениям (имевшие судимость или родители были осуждены по ст. 58 УК РСФСР) и по национальному признаку (лица, этнически близкие к агрессору) – 421 чел. [28, л. 129].

В 1943 г. был призыв сразу двух возрастов – 1925 и 1926 гг. рождения. Призывная кампания по отправке в войска новобранцев 1925 г. рождения состоялась в период со 2 по 6 января, через два с небольшим месяца после проведенных военкоматами приписных мероприятий. В докладной записке в ЦК ВКП (б) заведующий военным отделом обкома А. И. Денисов указывал, что «приписка и призыв в Красную Армию граждан 1925 года рождения прошли на высоком идейно-политическом уровне. В призывные

комиссии в ходе их работы поступали сотни заявлений от призванных ускорить отправку в Красную Армию» [30, л. 3]. В качестве недостатков он отметил слабую комсомольскую прослойку, большой процент не вылеченных, не ликвидированных неграмотность (183 чел. на момент приписки) и малограмотность, и наличие случаев несвоевременной отправки эшелонов по вине отдельных органов местного военного управления. В этот раз призывалось большое число граждан, прибывших в Саратовскую область по эвакуации, поэтому местные органы власти вынуждены были изыскивать возможности по их обеспечению теплой одеждой, обувью, предметами для приема пищи и на путь следования продуктами питания. Всего по результатам этого призыва в Красную Армию из Саратовской области были направлены 22905 чел. [30, л. 4–4 об]. Однако необходимо отметить, что это лишь часть людского контингента, направленного из Саратовской области в первом полугодии 1943 г. Как следует из переписки обкома с ЦК ВКП (б), за период с 1 января по 1 июля были отправлены 40364 чел. рядового и младшего начсостава [30, л. 52].

Призыв граждан 1926 г. рождения осуществлялся в ноябре 1943 г. Это был самый младший возраст, представители которого участвовали затем в боевых действиях на советско-германском фронте и в войне с милитаристской Японией. По сравнению с предыдущими призывами существенно выросла комсомольская прослойка, после приписки летом она была доведена до 59,4% (1924 г. рождения – 21,3%, 1925 г. рождения – 27%) [30, л. 23 об-24], а число неграмотных и малограмотных сведено до единичных значений. В то же время значительно увеличилось число освобожденных от призыва не по состоянию здоровья, национальному признаку и политико-моральным причинам, как это было ранее, а по другим обстоятельствам. Из 5505 чел., освобожденных от призыва (30% всех подлежащих явке), 4217 чел. – это работавшие на предприятиях оборонной промышленности, 607 – студенты вузов и учащиеся техникумов, 140 – ученики 9–10 классов спецшкол Наркомпроса. В результате из этого призыва в Красную Армию были направлены только 12995 призывников, годных к строевой службе, и 385 – к нестроевой службе [30, л. 24–24 об].

Последний военный призыв затронул мужчин 1927 г. рождения, которые в действующую армию не направлялись, но находились на действительной военной службе, как и призывники 1926 г. рождения, вплоть до начала 1950-х гг. Призывная кампания проходила в конце января 1945 г. Как отмечалось в докладной записке облвоенкомата от 13 февраля 1945 г. в обком ВКП (б), в ряде районов в сравнении с призывом 1926 г. ослабла агитационно-массовая и лечебная работа, призыв был проведен на более низком

уровне. Осуществленная ранее приписка выявила 23584 потенциальных призывников этого возраста [41, л. 28], но ввиду значительного числа отсрочек (рабочие оборонных предприятий, учащиеся и др.) в армию из Саратовской области были направлены только 11298 чел. Много отсрочек от призыва было ввиду плохого физического состояния новобранцев (850 чел., или 6,7%). Давали о себе знать тяжелые условия жизни военного времени [41, л. 39, 40].

Подводя итог рассмотрению обозначенной проблемы, следует сказать следующее. В годы Великой Отечественной войны из Саратовской области, как и в целом по стране, для комплектования Красной Армии и Военно-Морского флота СССР личным составом привлекались граждане более 30 возрастов, а становым хребтом стало так называемое предвоенное поколение, то поколение, которое выросло, было воспитано, получило образование и было подготовлено к военной службе в послереволюционные 1920–1930-е гг. В войска призывались представители всех социальных слоев населения и мест проживания, но основным источником людских ресурсов, безусловно, являлась сельская местность, что объясняется как отсутствием здесь сколько-либо заметной системы бронирования от призыва, так и значительным превалированием сельского населения над городским (в соотношении 65,5% и 34,5% согласно переписи 1939 г.) [32, с. 148].

Что же касается общего количества мобилизованных и призванных за годы войны, то в архивных документах такая цифра отсутствует. Материалы военного отдела Саратовского обкома дают нам обобщенные данные относительно числа направленных в армию только за период с июня 1941 г. по сентябрь 1942 г. – 378015 чел. [41, л. 44] и с января по июнь 1943 г. – 40364 чел. рядового и младшего начсостава [30, л. 27], а также по проводившимся позже призывам 1926 и 1927 гг. рождения, вместе давшие 24678 чел. В итоге согласно этим данным мы получаем 443047 чел., но в это число не вошел старший начсостав (т. е. офицеры) и мобилизованные по различным нарядам за октябрь – декабрь 1942 г. и за вторую половину 1943 г. и 1944 г., а их могло быть несколько десятков тысяч, т. е. в сумме явно больше полумиллиона. Также в нашем распоряжении есть сводная ведомость мобилизованных и призванных из Саратовской области за период 1941–1945 гг., предоставленная несколько лет назад облвоенкоматом, но в ней отсутствуют данные за отдельные годы по некоторым районным и городским военкоматам, а сведений по Краснокутскому, Питерскому и Петровскому районам вообще нет. Подсчеты имеющихся данных по этому источнику дают в общей сумме цифру 478228 чел. В результате экстраполяции данных, соразмерных по численности населения районов на районы, по которым нет сведений, получается примерно

515 тыс. чел., что коррелирует с числами, приведенными в областной «Книге памяти». Таким образом, и возможное количество саратовцев, принявших участие в Великой Отечественной войне, т. е. с учетом и призванных в довоенный период, приняв хотя бы во внимание соотношение численности войск до 22 июня 1941 г., и нового пополнения непосредственно в военное время (14,4% и 85,6%), никак не может превышать 600 тыс. чел. Данные же о 680 тыс. саратовцев, «с оружием в руках сражавшихся с немецко-фашистскими захватчиками», а тем более считать их мобилизованными за четыре военных года, как это иногда делается в местной прессе, являются явно завышенными. Таким мобилизационным ресурсом тогда Саратовская область попросту не располагала, учитывая потребности народного хозяйства в кадрах, общую численность населения и его половозрастную структуру (в частности, на январь 1941 г. в Саратовской области в тогдашних ее границах проживали 834 тыс. мужчин и 963 тыс. женщин [42, л. 1–2], примерно такое же соотношение было в 15 районах бывшей АССР НП, где проживали около 150 тыс. чел. не немецкого населения).

Список литературы

1. Кривошеев Г. Ф., Андроников В. М., Буриков П. Д., Гуркин В. В., Круглов А. И., Родионов Е. И., Филимошин М. В. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах : Статистическое исследование / под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М. : Воениздат, 1993. 415 с.
2. Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1973. 462 с.
3. Книга памяти: Саратовская область : в 40 т. Т. 1. Саратов : Региональное Приволжское издательство «Детская книга», 1994. 624 с.
4. Фролов Г. В. Забвению не подлежит // Этот день Победы : сборник повестей, очерков, рассказов ветеранов Великой Отечественной войны / сост. Л. И. Носова, Н. А. Ущева. Саратов : Слово, 2000. С. 245–265.
5. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594 (Саратовский обком Коммунистической партии РСФСР). Оп. 1. Д. 1811.
6. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2585.
7. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2587.
8. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2588.
9. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2583.
10. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 1804.
11. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. Т. 2 : Происхождение и начало войны. М. : Кучково поле, 2012. 1008 с.
12. Саратовская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Документы 1941–1945 гг. /

- ред. А. Копылова, В. Черных, Я. Эльфонд, В. Островский. Саратов : Приволжской книжное издательство, 1969. 262 с.
13. Ключников А. И. Мы сражались в тылу // Когда мы были молоды: сб. воспоминаний ветеранов партии и комсомола / сост. В. Турчин. Саратов : Приволжской книжное издательство, 1990. С. 176–189.
14. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2387.
15. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2400.
16. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2594.
17. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 7.
18. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2580.
19. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2747.
20. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2596.
21. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2319.
22. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2746.
23. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2586.
24. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4058.
25. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3075.
26. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3078.
27. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3080.
28. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3076.
29. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4048.
30. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3530.
31. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3534.
32. Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1976. 306 с.
33. Гижов В. А. Саратовский медицинский институт в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2016. № 7 (69): в 2 ч. Ч. 1. С. 26–28.
34. Кирсанов Н. А. Мобилизация женщин в Красную Армию в годы фашистского нашествия // Военно-исторический журнал. 2007. № 5. С. 15–17.
35. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644 (Государственный Комитет Обороны). Оп. 2. Д. 43.
36. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3524.
37. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4546.
38. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4507.
39. Ванчинов Д. П., Данилов В. Н., Ченакал Д. Д. Трудящиеся Поволжья – фронту. Оборонно-массовая работа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1984. 174 с.
40. ГАНИСО. Ф. 30 (Саратовский горком Коммунистической партии РСФСР). Оп. 15. Д. 57.
41. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4058.
42. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 2052 (Статистическое управление Саратовской области). Оп. 13. Д. 25.

Поступила в редакцию 19.05.2024; одобрена после рецензирования 29.05.2024; принята к публикации 28.06.2024
The article was submitted 19.05.2024; approved after reviewing 29.05.2024; accepted for publication 28.06.2024